

Хагакурэ в повседневности

... Когда забудешь, как жить, перечитай эту книгу и, возможно, не придётся делать харакири
кухонным ножом!
Толик
(Дарственная надпись к сборнику «Книга самурая»)

Зачем?

Или-или

То самое время

Ошибки и ответственность

Искусства и достоинство

Ремесло

Любовь

Одной традиции

Неохваченное

Заключение

Зачем?

Какую пользу современному человеку западной культуры может принести наставление фанатика-самурая, жившего 300 лет назад? Вы же не занимаетесь японскими боевыми искусствами, иначе максимы старого мастера были бы уже запечатлены в вашем сердце? И не ведёте дел со страной Восходящего солнца? Как же понимать партнёров-соперников, настольные учебники бизнеса которых – „Хагакурэ“ Ямамото Цунэтомо и „Книга Пяти колец“ непобедимого Миямото Мусаси^[1]?

Долгие века прошлых эпох варились люди в соку собственных культур, не имея возможности познать другие. Обитатели информационного века – неужели нам не хватит любознательности? Пускай что-то покажется неприемлемым или парадоксальным, а что-то просто шокирует, древний этический кодекс не просто интересен, но может быть *полезен* в повседневной жизни.

К этой статье не будет списка литературы [2]. Только «Хагакурэ» [3]. Его заповедный лес скрывает многое. Будем же любопытными – сокровища сокрытой в листе кладовой ждут своих хозяев!

Или-или

Эти слова стали знаменитыми. Мало найдётся работ по истории Японии, где они опущены. Если же упоминается Бусидо [4], то где-нибудь ниже вы прочтёте:

„Я постиг, что Путь Самурая – это смерть. В ситуации „или-или“ без колебаний выбирай смерть. Это нетрудно. Исполнишь решимости и действуй. Только малодушные оправдывают себя рассуждениями о том, что умереть, не достигнув цели, означает умереть собачьей смертью. Сделать правильный выбор в ситуации „или-или“ практически невозможно“

И пусть смерть упомянута в них несколько раз, глубинная суть изречения – сохранение жизни. Даймё [5] нуждались в живых вассалах (точнее в тех, кто МОГ выжить в жутких переделках того времени). Ключевое слово здесь – ситуация „или-или“.

Она всегда неожиданна, поэтому нет ни посылок, ни времени для размышлений. Решение может быть принято только интуитивно и, поэтому, *любой* поступок будет верным, если погибнешь с достоинством (некого упрекать, некому задавать вопросы). Как же выжить? По Дзёте [6] нужно решить умереть и действовать так, будто УЖЕ умер. Парадоксально, но такой образ действия многократно повышает шансы уцелеть! Это было подмечено многими – не об этом ли русская пословица „Смелого пуля боится“

Конечно, не всё так просто. Цунэтомо не надеется на внезапный духовный прорыв. Трудно мгновенно взрастить урожай на незасеянном поле. К ситуации „или-или“ нужно готовиться. И речь идёт не только, и не столько о боевых искусствах или укреплении тела, сколько о тренировке духа.

„Если каждое утро и каждый вечер ты будешь готовить себя к смерти и сможешь жить так, словно твое тело уже умерло, ты станешь подлинным самураем. Тогда **вся твоя жизнь будет безупречной, и ты преуспеешь на своем поприще**“ .

В современном мире это касается только мужчин. И не потому, что может довестись бросить всё на весы судьбы – только бы защитить любимую, слабого – как от них и ожидается. Любая нормальная женщина мечтает о ребёнке – зная об испытании родами, ранее сопряженного с реальной угрозой для жизни [7]. И эта внутренняя готовность перенести боль, пожертвовать здоровьем, а может и жизнью для жизни новой - стержень нешуточной закалки, присущий полу, ошибочно именуемому „слабым“. И хотя не было ещё времён, где не попрекали бы послерождённое поколение, современные мужчины, кажется, действительно расслабились. Чему же учил Цунэтомо своих теряющих - по его мнению - боевой дух современников?

„Созерцать неизбежность смерти следует ежедневно. Каждый день, когда тело и ум пребывают в покое, нужно представлять себе, как тебя пронзают стрелами, убивают выстрелом из ружья, протыкают копьем или разрубают мечом. Каждый день нужно воображать себе, как ты погибашь в горящем здании, как тебя уносят огромные волны, поражает молния или присыпает обломками каменных стен во время землетрясения...“

Пропустить через себя все возможные страхи, *переработать* их, чтобы в решающий момент оставалось только ДЕЙСТВИЕ (а это не только физическое единоборство, но вовремя поданный совет руководству фирмы, своевременно устранённая ошибка в технологическом процессе или разыгранная шахматная комбинация). Как же распознать этот момент?

То самое время

Вот ответ Цунэтомо:

Одного из молодых господ как-то наставляли, что „сейчас“ – это и есть „то самое время“, а „то самое время“ – это и есть „сейчас“.

И далее:

„Воистину нет ничего, кроме **подлинной цели** настоящего мгновения. Вся жизнь человека есть последовательность мгновений. ...Если человек глубоко это осознал, он должен, не задерживаясь, переходить от одного переживания к другому“ .

В повседневности нас обуревают множество мыслей, мы беспомощно пытаемся стремить их беспорядочный калейдоскоп. Цунэтомо советует: „Будь верен текущей мысли и не отвлекайся. Вместо того, чтобы изнурять себя многими мыслями, следуй одной, но позволяй ей меняться от мгновения к мгновению“ .

Увы, если бы это было просто! Но вот другой совет Цунэтомо – не братья за дело, которое нельзя было бы завершить за 24 часа – я нахожу не только интересным, но и стараюсь следовать ему в моей профессиональной жизни.

У Цунэтомо мы находим и сугубо практические рекомендации о принятии решений (возможно, широко известные в то время [8]):

„Древние учат, что человек должен принимать решение в течение семи вдохов и выдохов“.

И, цитируя одного из вождей клана:

„Если размышления длятся долго, результат будет плачевным“.

Однако решиться – ещё не значит исполнить. Это ключевой момент, где пропадает втуне множество благих и не очень (хотя реже) замыслов. Цунэтомо приемлет только действие:

„Вначале нужно прилагать усилия, чтобы убедиться, что ты понял главное, а **затем претворять его в жизнь**“.

Причём не просто претворять, а претворять настойчиво! „Настойчивость побеждает все“, - утверждает Цунэтомо и добавляет:

„... самурай прежде всего должен быть настойчив. Если ты делаешь что-то без должной целеустремленности, впоследствии твои действия будут сочтены недостаточными“.

Целеустремлённость и настойчивость Дзёте считает едва ли не важнейшими качествами самурая. Даже *желание* уже обладает созидательной силой (конечно, желание сосредоточенное и устремлённое на объект: в повседневности мы часто напоминаем ребёнка в магазине игрушек)! Цунэтомо приводит слова известного мастера конфуцианца Иттэя:

„Когда-то давно в нашей провинции не росли грибы мацутаке. Люди, видевшие их в провинции Камигата, стали молиться о том, чтобы они росли в наших краях, и вот теперь их можно встретить по всей провинции Катаяма. Мне бы хотелось, чтобы в будущем в наших краях росли японские кипарисы. Поскольку этого хочу не только я, в будущем они обязательно появятся здесь“.

С этой точки зрения исследования результатов таких глобальных акций, как недавняя Live Earth, были бы весьма небезы兴тересны.

Ошибки и ответственность

Справедливо считая, что полагаться в серьёзных делах можно только на себя, Цунэтомо отмечает:

„Совещаясь с людьми о важных делах, мы часто видим, что они не принимают всерьез наши мнения или *не желают брать на себя ответственность*. В таких случаях нужно полагаться на собственные суждения“.

Приобрести же их можно в общении с людьми (кажется, автор „Хагакурэ“ весьма прохладно относится к знаниям, подчерпнутым из письменных источников, предпочитая личный опыт собеседников):

„Спрашивать, когда знаешь, означает поступать вежливо. Спрашивать, когда не знаешь, абсолютно необходимо“.

„Времена меняются, и достойных людей становится все меньше“, - вздыхает Цунэтомо и добавляет, что скоро человек сможет добиться многого, даже если он почти не прилагает усилий. И если в первой половине утверждения явственно слышится сожаление старости о прошедшей молодости и ушедших друзьях (в момент окончания бесед с Цурамото Тасиро Дзётё было 59 лет

– весьма почтенный возраст по тем временам), то вторая абсолютно соответствует нашей реальности: мы *действительно* можем достичь большего, прилагая меньше усилий. Человечество меняет мир – меняется ли оно само? По крайней мере, времена меняются быстрее, чем люди, и в вопросе *ответственности* с тех пор не изменилось (думаю, и не изменится) ничего.

Ответственность – это тяжелая глыба, редко кто хочет взваливать её на себя добровольно, и даже сильные пытаются если не избежать, то хотя бы разделить её – с людьми, стихиями, божествами. Для Дзётё это совершенно неприемлемо и он безжалостен в своих примерах:

„Господин Сима послал гонца к своему отцу, господину Аки с посланием, в котором говорилось: “Я собираюсь совершить паломничество в храм Атаго в Киото”. Господин Аки спросил у гонца:

- Зачем он собирается делать это?

- Атаго - божество, покровительствующее стрельцам из лука, - ответил гонец, - а господин Сима желает добиться успеха в войне.

- Это полностью бесполезно! - сердито ответил господин Аки. - Должен ли доблестный воин клана Набэсима ездить на поклон к Атаго? Нет, не должен. *Даже если Атаго пожелает воплотиться в рядах противника, доблестный воин должен одним ударом разрубить его пополам!* “.

А ошибки? Ну что ж, кто действует, тот ошибается (впрочем, как и пребывающие в покое). Сам Цунэтомо рассказывает, что в молодости имел обыкновение каждый день записывать все свои оплошности – и вот что из этого получилось:

„Но как я ни старался их исправить, не было дня, чтобы я не делал двадцать или тридцать новых записей. Поскольку этот процесс, казалось, не имеет конца, я прекратил вести дневник. И даже теперь, когда я перед сном думаю о событиях истекшего дня, я замечаю, что нет такого дня, чтобы я не оговорился или не допустил промаха в каком-нибудь деле. Жить и не совершать ошибок невозможно“.

Сам же он даёт следующий совет:

„...совершив ошибку, нужно тут же ее исправить. Если это сделать без промедления, она скоро будет забыта. Но если пытаться прикрывать ошибку, события примут еще более неблагоприятный оборот... Если человек исправит свои ошибки, люди о них вскоре забудут“.

Словно иллюстрируя русскую поговорку о ценности одного битого против двух небитых, мастер [9] приводит следующую историю:

„Во время собрания, на котором одного человека выдвигали на ответственную должность, было решено, что этот человек недостойн занять столь высокий пост потому, что когда-то во время пьяной пирушки он устроил дебош. Однако кто-то возразил:

- Если мы откажемся от всех тех, кто однажды оступился, мы скорее всего не найдем нужного человека. Тот, кто совершил ошибку только один раз, будет более осмотрителен и принципиален, потому, что он раскаивается. Я считаю, что этот человек должен занять должность.

- Вы за него ручаетесь? - спросили собравшиеся.

Да, ручаюсь, - ответил выступавший.

- Почему вы за него ручаетесь? - спросили другие.

- *Я ручаюсь за него потому, что этот человек один раз ошибся. Тот, кто никогда не ошибался, опасен.*

После этого человека избрали на должность“.

Вообще, высшие культурные достижения различных народов имеют тенденцию к смыканию. Это как расстояние между двумя противоположными точками на окружности поперечного сечения конуса: оно тем меньше, чем сечение ближе к вершине. Не зная речения о бревне и соломинке, Цунэтомо цитирует главу клана - эти слова достойны быть выбитыми золотыми буквами в любом присутственном месте:

„Тот, кто доискивается до чужих недостатков, будет наказан.

Суровый самурай снисходителен к мелким людским слабостям (конечно, если это не вредит клану и не роняет честь –эта тема ещё будет затронута в разделе „Ремесло“):

„Пройди с настоящим человеком сотню метров, и он солжет тебе не меньше семи раз“.

Но всё-таки, как же избежать ошибок? Во-первых, разговаривая с людьми. Во-вторых, Дзётё предлагает создать себе поведенческий идеал:

„Однако в наши дни нет человека, которого можно было бы назвать идеальным слугой. Поэтому нужно создать такой идеал и подражать ему. Чтобы сделать это, нужно познакомиться со многими людьми и взять у каждого человека только самое лучшее. Например, у одного человека взять вежливость, у другого - храбрость, у третьего - красноречие, у четвертого - правильное поведение, у пятого - постоянство устремлений“.

Искусства и достоинство

Познакомиться со многими людьми... Вряд ли сильно ошибусь, утверждая, что множество современников страдает от недостатка „живого“ общения. Его заменил электронный суррогат масс-медий и интернета. Лавина в большинстве своём „причёсанных“ фактов и образов перегружает наши информационные каналы - троянские кони поведенческих шаблонов прорываются в наше сознание.

Обычно нам назойливо преподносятся люди, добившиеся успеха в какой-то одной области и совершенно беспомощные во всех остальных (Цунэтомо называет их „люди искусства“). Раздуваемый вокруг них корыстный ажиотаж мешает разглядеть множество по-настоящему интересных людей: так маломощный полезный сигнал тонет в белом шуме... [10]

Поразительно, но схожие темы занимали ум старого самурая ещё 300 лет назад! Прицает „людей искусства“ Цунэтомо прежде всего за их ограниченность: „Даже если человек, по общему мнению, преуспел в искусствах, он скорее всего обычный глупец. В силу своей ограниченности он сосредоточился на чем-то одном, не замечая ничего другого, и поэтому прослыл знатоком. Это бесполезный человек“

Интересно, что Цунэтомо распространяет это и на воинские искусства!

„Есть много людей, которые почитают себя полноправными воинами на том лишь основании, что занимаются боевыми искусствами и набирают себе учеников. На того, кто изо всех сил стремится прослыть „человеком искусства“, жалко смотреть“.

Правда, потом он добавляет, что в искусстве нет ничего плохого, если человек овладел им в совершенстве - нечто само собой разумеющееся для него:

„Беспринципно считать, что ты не можешь достичь всего, чего достигали великие мастера. Мастера - это люди, и ты - тоже человек. Если ты знаешь, что можешь стать таким же, как они, ты уже на пути к этому“.

Цунэтомо попрекает „людей искусства“ в неискренности и спекулировании на непонимании простых людей:

„В наше время люди, которых называют умными, обманывают других, прикрываясь показной мудростью. По этой причине они хуже необразованных крестьян. Необразованный человек ведет себя открыто“.

Но самый большой упрёк Цунэтомо состоит в другом. Он подозревает интеллектуалов (не без основания) в желании решать проблемы исключительно усилиями ума. Указав ранее на невозможность принятия правильного решения путём размышлений в ситуации „или-или“, Цунэтомо напоминает и о недостатках человеческой природы:

„Люди полагают, что размышляя над сложными делами, они могут разобраться с ними. Однако, когда они задумываются над чем-нибудь, у них появляются ложные мысли. Они не могут принять правильное решение, потому что в своих рассуждениях руководствуются стремлением к личной выгоде“.

„... грош цена человеку, если его достоинства ограничиваются только мудростью и талантами“, - заключает Цунэтомо и далее раздражённо бросает:

„Чего только не достиг бы человек, если бы он не стремился во всем подражать другим!“

Внимательный читатель должен бы здесь насторожиться: предыдущий раздел как раз и заканчивался советом Дзётё создать идеал для подражания! Противоречие? Нет.

Неизвестно, участвовал ли Ямамото Цунэтомо в сражениях, однако он, несомненно, был знаком с воинскими искусствами (например он был кайсяку [11] при сэппуку его родственника). Поэтому ему точно было известно, что осмысленное подражание учителю является начальным этапом обучения во многих боевых искусствах (к примеру, в современном айкидо). Ключевое слово здесь – *„во всём“*. Создать себе идеал или принять навязанный тебе. Рабское подражание или творческое осмысление. И пусть Цунэтомо нигде прямо об этом не говорит, ну что ж, воспользуюсь и я правом на собственное суждение: запечатляя в себе чей-то образ без серьёзного осмысления или глубокого чувства, мы теряем часть собственного достоинства.

Достоинство – это капсула самоуважения. Внешний мир постоянно испытывает её на прочность. В непрекращающихся схватках, мелких и крупных, мы отстаиваем её – границу объёма нашего Я, расширяем её, создаём союзы с другими капсулами - Мы, и так до последней кульминационной точки: сбросить её скорлупу у порога Вечности.

Для Дзётё достоинство синонимично внутренней непоколебимости. Если ты принял решение и приложил необходимые усилия для его осуществления, беспокоиться не о чем, более того – это недостойно.

„Сердце добродетельного человека пребывает в покое, и поэтому такой человек не знает суеты. Недостойный человек беспокоится, причиняет неудобство другим и ссорится со всеми“.

Как обычно, Дзётё не ограничивается теорией, но даёт и практический совет:

„Попав под дождь, ты можешь извлечь из этого полезный урок. Если дождь начинается неожиданно, ты не хочешь намочить и поэтому бежишь по улице к своему дому. Но добежав до дома, ты замечаешь, что все равно промок. Если же ты с самого начала решишь не ускорять шаг, ты промокнешь, но зато не будешь суетиться. Так же нужно действовать в других схожих обстоятельствах“.

В наши дни почти не осталось занятий, где смерть – единственный достойный выход вследствие совершённой оплошности. Однако люди небрежительны – это слово Дзётё употребляет неоднократно. Теряем ли мы достоинство совершая ошибку? Дзётё отвечает – не обязательно.

„У одного человека возникли финансовые затруднения, и он послал своему предводителю письмо, в котором говорилось: „Жаль, но мне придется совершить сэппуку из-за нехватки денег. Прошу вас как своего начальника прислать мне какие-то средства“. Поскольку письмо было очень конкретным, средства были выделены, и долг был уплачен. Говорят, что даже виновные могут действовать достойно“.

И ещё: самурай не жалуется. Наверняка у читающих эти строки найдутся знакомые, коллекционирующие свои проблемы и озвучивающие их при любом удобном случае. Дзётё считает это недостойным, указывая, что „самурай ковыряет в зубах зубочисткой, даже если он ничего не ел“.

Ремесло

„Всю свою жизнь прилежно учись. Каждый день становись более искусным, чем ты был за день до этого, а на следующий день – более искусным, чем сегодня. Совершенствование не имеет конца“, - наставляет перфекционист Цунэтомо. И далее добавляет: „Если ты уразумеешь одно дело, тебе откроются также восемь других“.

В средневековой Японии выбор профессии был фактически предопределён при рождении: сын рыбака становился рыбаком, сын самурая – воином [12]. Выход за эти рамки был для её обитателей событием далеко не повседневным. И всё же Цунэтомо считает, что то, чем живёшь, должно доставлять радость.

„Воистину жизнь человека длится одно мгновение, поэтому живи и делай, что хочешь. Глупо жить в этом мире, подобном сновидению, каждый день встречаться с неприятностями и делать только то, что тебе не нравится“.

Однако верно и обратное: то, что нравится, может и *должно* приносить пользу:

„Священник Таннэн выставлял ветровые колокольчики и говорил: „Я делаю это, потому, что люблю их звучание. Кроме того, я вывешиваю их, чтобы знать направление ветра в случае пожара, ибо это единственная забота того, кто живет в большом храме“.

Ямамото Цунэтомо был самураем довольно высокого ранга и мог бы со временем стать одним из лидеров клана. Вместе с тем, хотя „Хагакурэ“ пронизано энергией рвения и целеустремлённости, оно совершенно лишено честолюбия. По-видимому, это не личная черта, но сознательный выбор Цунэтомо.

„Благоразумный слуга не стремится занять более высокое положение. Между тем глупых людей редко повышают в должности“.

К этому времени характер автора „Хагакурэ“ понемногу проясняется для нас и его совет потерявшим службу (уверен, сейчас не менее актуальный, чем тогда) вполне ожидаем:

„Не следует разочаровываться, если тебя уволили со службы. Люди во времена господина Кацусигэ любили говорить: „Если ты не был рёнином[13] как минимум семь раз, ты не можешь считаться хорошим слугой. Семь раз упал, восемь раз встал“.

О том, почему бизнес-элита Японии проявляет такой интерес к „Хагакурэ“, можно судить по хрестоматийному высказыванию основателя корпорации „Мацусита Донки“ Мацусита Коносуке: „Бизнес – это война“. „Все законы войны распространяются на искусство ведения бизнеса“, - провозгласили японские менеджеры и превратили разгромленную сельскохозяйственную страну в одного из научно-технических лидеров современности.

Однако сконцентрируемся на тексте: ряд предложений Дзётё, полезных руководителям, лежит на поверхности. Например, уже упоминавшееся снисходительное отношение Цунэтомо к мелким человеческим слабостям. По его мнению, руководитель хотя и служит образцом для подчинённых, но он не должен быть морализатором.

„Некто предлагает быть требовательным к людям, но я с этим не согласен. Известно, что рыба не будет жить там, где есть только чистая вода. Но если вода покрыта ряской и другими растениями, рыба будет прятаться под ними и разведется в изобилии. Слуги тоже будут жить спокойнее, если некоторые стороны их жизни будут оставлены без внимания“.

Цунэтомо также считает, что руководитель не может выполнять свои функции, будучи окружённым толпой: ему приличествует некоторая отстранённость, степень которой возрастает по мере продвижения по иерархической лестнице.

„Чтобы успешно вершить свои дела, владыка, его советники и старейшины должны держаться отстраненно. Ведь, если за человеком постоянно ходит целая свита подчиненных, ему трудно выполнять свои обязанности“.

Для Дзётё, который многократно призывает советоваться с людьми, одной из главных опасностей, подстерегающей крупного руководителя, является тщеславие. Чрезмерное самомнение, и, как следствие, утеря реальности и контакта с подчинёнными - слишком дорогая цена за дипломы, учёные степени, награды или титулы. Дзётё рассказывает историю (приводится в сокращении), в которой именно подчинённый, действуя на свой страх и риск, но исполняя свой долг, как он его понимает, оберегает знатного самурая от возможного искуса:

„... когда господин Набэсима Цунасигэ еще не возглавил клан, он изучал буддизм у дзэнского священника Куро-такияма Тёона. Цунасигэ достиг просветления и священник собирался вручить ему печать мастера. ...В это время Ямамото Городзаэмон получил приказ прислуживать Цунасигэ.... Узнав о намерении священника, Городзаэмон понял, что это плохо и решил попросить Тёона не давать Цунасигэ печати мастера, а если тот откажется выполнить его просьбу, убить его. Он приехал к священнику в Эдо и вошел к нему в дом...“

- Говорят, что вы собираетесь вручить господину Цунасигэ печать мастера за его успехи в изучении буддизма... У нас все сословия живут в мире, потому что, в отличие от других провинций, власть у нас переходит по наследству от одного владыки к другому. До сих пор еще ни разу не было так, чтобы владыка нашего клана получал буддистскую печать мастера. Если вы дадите печать Цунасигэ, он может возомнить себя просветленным и перестать считаться с мнением своих слуг. Великий человек от этого станет тщеславным. Я настаиваю на том, чтобы вы не давали ему печать. Если вы не согласитесь со мной, знайте, что я исполнен решимости...“

- То, что вы говорите, очень разумно, - сказал Тёон. - Конечно же, я не дам ему печати“.

Любовь

В японском языке нет понятия, обозначающего „любовь к женщине“ в европейском понимании – на это указывает Ю. Мисима в „Хагакурэ нюмон“ [14]. Любовь для японца - это сплав страсти и долга. И хотя автор не посвятил теме любви и пары десятков строк, именно „Хагакурэ“, по мнению некоторых исследователей, едва ли не единственное произведение японской классики, последовательно разрабатывающее теорию романтической любви.

Дзётё называет высшей степенью любви любовь *тайную*. Над этим стоит поразмыслить. Каким личным опытом руководствовался Цунэтомо? Жаль, но о его личной жизни мы почти ничего не знаем! Достоверно известно лишь, что у него было две дочери. Значит была семья? В другом месте он упоминает, что

воздерживался от любовных утех. Неразделённая любовь?

„Я верю, что высшая любовь – это тайная любовь. Будучи однажды облеченной в слова, любовь теряет свое достоинство. Всю жизнь тосковать по возлюбленному и умереть от неразделенной любви, ни разу не произнеся его имени, – вот в чем подлинный смысл любви“.

Будучи разделённой, любовь, дар небес, становится частью повседневной *земной* реальности. Напротив, любовь безответная и тайная, сохраняет свой накал и продолжает казаться чудом.

Одной традиции

Ямамото Цунэтомо, патриот своего клана и своей провинции (долгое время, почти 150 лет вплоть до реставрации Мейдзи, „Хагакурэ“ передавалась как тайная традиция только в её пределах), неоднократно заявляет, что не желал бы для себя лучшей участи:

„И хотя человек моего положения не должен говорить таких вещей, я скажу, что не желаю после смерти становиться буддой. Я исполнен решимости и дальше служить своей провинции, даже если для этого мне придется переродиться в теле самурая клана Набэсима еще семь раз“.

И пусть этот патриотизм распространяется на небольшую территорию и группу людей, через два с лишним века именно он вдохновлял молодёжь погибать за свою страну, становясь частицами „божественного ветра“ [15].

Служение клану - это не только активные действия на его пользу. Важная роль отводится изучению его истории и традиций (подчёркивается Цунэтомо неоднократно, что для него необычно):

„Мы знаем, что человек может изучать другие традиции лишь в довершение к глубокому знанию своей собственной. Но когда человек глубоко постигает свою собственную традицию, он понимает, что у него нет больше нужды расширять свои знания“.

Второе утверждение кажется спорным, только проверить его трудно! Вообще, религия – дело интимное, но у меня вызывают искреннее удивление православные, принимающие ислам, иудеи, изучающие буддизм и католики, практикующие каббалу. Вот что говорит по этому поводу Дзётё:

„Я не понимаю, как люди нашего поколения могут забывать о славных традициях своего клана и почитать чужих будд. Между тем ни Шакьямуни Будда, ни Конфуций, ни Кусуноки, ни Сингэн никогда не были слугами господина Рюдзодзи или господина Набэсима. Поэтому мы вправе утверждать, что излишнее почитание этих будд не входит в традиции нашего клана“.

Однако и в религиозных делах Цунэтомо сохраняет отстранённость, смиренную и гордую одновременно, ту, что мощным ручьём наряду с другими, крупными и мелкими, влилась в полноводную реку *бусидо*:

„Хотя говорят, что боги отворачиваются от скверны, на этот счет у меня есть собственное мнение. Я никогда не пренебрегаю своими повседневными молитвами. Даже если я запятнал себя кровью в бою или вынужден переступить через трупы на поле сражения, я верю в действенность взывания к богам с просьбами о победе и о долгой жизни. Если боги не услышат мои молитвы только потому, что я осквернен кровью, я убежден, что ничего не могу поделать с этим и поэтому продолжаю молиться, невзирая на оскверненность“.

Неохваченное

Стараясь удержать размеры статьи в разумных пределах, автор намеренно отказался от освещения многих интересных тем. Некоторые, впрочем, я хотел бы вкратце упомянуть – может быть, они будут раскрыты тобой, читатель?

„Бороться с несправедливостью и отстаивать правоту нелегко“, - говорит Дзётё и, развивая тему *сострадания*, замечает:

„Мудрость и смелость, которые приходят вместе с состраданием, - это подлинная мудрость и подлинная смелость. Когда ты наказываешь или добиваешься чего-то с состраданием в душе, твои действия будут безупречны. Делать что-то для себя мелочно и недостойно; такие поступки всегда оборачиваются злом. Недавно я понял, что такое мудрость и смелость. Но только сейчас я начинаю понимать, что такое сострадание“.

Очень любопытна (и, к сожалению, объёмна) тема под условным названием *„их нравы“* – множество реальных историй, рассказанных Цунэтомо, дают массу пищи для размышлений. Вот она из них: „Однажды Мороока Хикоэмон должен был поклясться перед богами, что он беззаветно предан какой-то идее. Но он сказал:

– Слово самурая тверже металла. Поскольку я запечатлел это слово в себе, причем тут боги и будды?

После этого его торжественная клятва была отменена. Это случилось, когда ему было двадцать шесть лет“.

Ждёт своего компетентного исследователя и такая тема, как *„Хагакурэ и шахматы“*. Ведь если верно всё, сказанное о связи войны и бизнеса, то к шахматам это применимо вдвойне. В самом деле, чем шахматист не боец? Он также настойчиво постигает воинское искусство (шахматы), для него также важны физическая форма и психологическая подготовка. И недаром известны истории о том, как выдающиеся фехтовальщики Японии выясняли, кто сильнее, за партией в го [16].

Наконец, просто любопытно, влияет ли, и в какой мере *„Сокрытое в листве“* на современную европейскую культуру? Что есть, кроме сравнений этического кодекса средневекового европейского рыцарства и Бусидо, да фильмов, вроде *„Путь самурая“* Джима Джармуша?

Заключение

Ямамото Цунэтомо выполнил свой долг перед кланом – может только благодаря ему оставшегося в памяти потомков в отличие от множества других, когда-то могущественных, но потом забытых семей.

„Хагакурэ“ парадоксально и многослойно. Приведённые здесь суждения старого мастера *жизни* близки автору по духу, либо задели его любознательность. Уверен, любой вдумчивый читатель откроет в нём другие, *свои* пласты.

Однако общий знаменатель всё же имеется: счастливая жизнь по Дзётё есть жизнь наполненная, алертная и, вместе с тем, ясная и безыскусная!

Одно из искреннейших убеждений Цунэтомо гласит, что *„во всём важен только конец“*. Наше недолгое и неглубокое погружение в мир *„сокрытого в листве“* тоже заканчивается. Надеюсь, читатель не сожалеет о затраченном времени. Саёнара!

P.S.

Автор выражает глубокую благодарность **Олегу Рахманову** за разрешение использовать в качестве иллюстраций к статье его каллиграфические работы.

[1] Миямото Мусаси (1584—1645), один из величайших мастеров меча Японии, победитель более чем в 50 поединках, основоположник искусства боя на двух мечах, автор „Книги Пяти колец“, посвящённой тактике, стратегии и философии военного ремесла.

[2] Великолепная работа Юкио Мисима „Хагакурэ нюмон“ здесь не рассматривается: она написана японцем для японцев. Однако её упоминания избежать невозможно.

[3] „Хагакурэ“ Ямамото Цунэтомо, сборник «Книга самурая», издательство «Евразия», Санкт-Петербург, 1998г. Правописание и цитаты соответствуют данному изданию.

[4] Бусидо (Путь воина) - кодекс поведения японского сословия самураев. Бусидо требовал бесконечной преданности и верности своему господину, доблести, самосовершенствования (закаливания духа и воли), самоотвержения и самообладания, признания единственным занятием военного дела, предпочтения смерти бесчестию и позору.

[5] Даймё (буквально – „большой землевладелец“) - основной термин, определяющий крупнейших военных феодалов средневековой Японии.

[6] Дзёте (Дзётё Кёкудзан, „Вечное Утро“ или „Гора-на-Рассвете“) – монашеское имя Ямамото Цунэтомо. После смерти своего господина даймё Набэсима Мицусиге и официального запрета (подтверждённого сёгуном!) на самоубийство он удалился от дел и стал дзэнским монахом-отшельником.

[7] По данным ВОЗ, в 2002 г. в Африканском регионе от осложнений во время беременности и родов скончались до 231 000 женщин.

[8] Сословие самураев находилось под сильнейшим влиянием дзэн-буддизма. Выявление мощного звучания этой религии в „Хагакурэ“ выходит за рамки данной работы.

[9] Книга, известная нам как „Хагакурэ“, первоначально называлась „Собрание изречений мастера Хагакурэ“. В её первом издании под редакцией Цурамото Тасиро (молодой самурай, записавший свои беседы с Дзётё) название было сокращено до одного слова.

[10] Белый шум – термин из акустики и радиотехники, упрощённо может быть определён как шум, с постоянной интенсивностью распределённый по всему диапазону задействованных частот.

[11] Кайсяку – помощник при ритуальном самоубийстве (сэппуку): стоя сзади, по знаку самоубийцы наносил удар мечом, прекращая агонию.

[12] В то время Япония, объединённая под властью сёгунов клана Токугава, переживала относительно мирные времена. Воины были в переизбытке и многие самураи нашли себе новое занятие на поприще чиновников, управляющих и даже торговцев.

[13] Рёнин – самурай, уволенный со службы или потерявший хозяина

[14] По крайней мере, не было во времена создания „Хагакурэ“: иероглиф „ай“ более позднего происхождения

[15] В переводе на японский – *камикадзе*. Изначально слово было названием тайфуна, уничтожившего корабль монгольской армады хана Хубилая на подступах к берегам Японии. Позже оно стало использоваться для обозначения японских пилотов-смертников во время Второй Мировой войны

[16] *Го* - стратегическая настольная игра, возникла в древнем Китае между 2000 и 200 годами до н. э.

